

Фантастический роман

На 127-й странице

Павел Крапчилов

Часть

3

18+

На 127-й странице. Фантастический авантюрный роман

Павел Крапчи́тов

На 127-й странице. Часть 3

«Автор»

2026

Крапчитов П. А.

На 127-й странице. Часть 3 / П. А. Крапчитов — «Автор»,
2026 — (На 127-й странице. Фантастический авантюрный роман)

На 127-й странице. Часть 3. Перекрёстки судебПариж встречает Патрика руинами прошлого, а в заведении мадам Люси он находит неожиданное призвание — охранять тех, кто сам привык защищаться чужим телом. Хрупкая Вивьен, похожая на его давно потерянную сестру, пробуждает в нём нежность, которую он считал умершей.Энтони де Клер, едва не погибнув в океане, спасается на военном крейсере. Он мечет карты и рисует пиратские портреты, но главная его битва — с собственной памятью и обещанием, данным умирающей Вере. Поиски Терезы приводят его в Порт-Саид, где случайная записка меняет всё.А Тереза, пережившая насилие и предательство, бредёт по восточным городам в компании загадочного «доктора» Штейнера, чья забота оказывается сладким ядом. Ей предстоит узнать, кто на самом деле был рядом все эти дни, и сделать выбор, который разделит их с Энтони навсегда.Третья часть — о бегстве от себя, о долге, который тяжелее смерти, и о том, как одно письмо способно изменить судьбу империи.

© Крапчитов П. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение в Париж	6
Глава 2. Один в океане	14
Глава 3. Тёмные делишки	25
Глава 4. После кошмара	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Павел Крапчитов

На 127-й странице. Часть 3

От автора: По моему фантастическому предположению параллельные миры отличаются друг от друга, как страницы книги. Чем дальше расположены друг от друга страницы, тем меньше общего в их содержании.

Роман «На 127-й странице» — художественное произведение. Все герои и события выдуманы, а возможные совпадения случайны и не намерены.

Глава 1. Возвращение в Париж

Патрик О'Хара давно не был в Париже. Почти десять лет назад, уходя с Жаном на дело из своей каморки на Рю Дамброн, он не предполагал, что всё так обернется. И надо было всего-то просто перенести груз из одного дома на окраине в другой дом, поближе к центру. Но, видно, кто-то проболтался, а может быть, даже и стукнул, поэтому совершенно не вовремя появились жандармы, и друзьям пришлось убежать. Сначала был Марсель, где Патрик расстался с Жаном, который не захотел покинуть Францию, потом Египет. А дальше события, нужда и любопытство — всё вместе и порознь — толкали еще тогда молодого ирландца вперед почти без остановки. Дольше всего он задержался в южном Китае, но так произошло только благодаря его встрече с учителем Лю.

И вот сейчас, оказавшись вновь в этом городе, О'Хара узнавал и не узнавал его одновременно. Поддавшись ностальгии, он отправился на Рю Дамброн, где десять лет назад квартировал, словно кроме скошенного мансардного потолка и убогой обстановки там было еще что-то: милое и уютное — то, что можно было бы назвать домом. Но знакомого дома он не нашел. Патрик обнаружил на его месте одни развалины. Когда он спросил проходившего мимо мужчину, что случилось с домом, тот удивленно посмотрел на него и лишь воскликнул: «Проклятые боши!» — и, видя, что Патрик так ничего и не понял, добавил: «Парень, здесь война была, пушки стреляли».

Получив ответ, Патрик О'Хара побрел прочь. Нет, он знал, что была франко-прусская война, но в сознании почему-то представлялось, что все битвы ведутся в чистом поле, а если и осаждаются города, то только те, вокруг которых стоит крепостная стена. Патрик вдруг понял, что даже тот плохонький дом, где он снимал жилье, мог бы сравниться с частью крепостной стены. Возможно, так и было. Его использовали обороняющиеся французы, а наступающие пруссаки пустили в ход пушки.

В Париже было еще одно место, где тогда еще молодому О'Харе было хорошо и уютно. Его как-то отвел туда Жан. Вот Патрик в это место и отправился. Мысли о бывшем товарище напомнили ему об одной своей особенности, с которой он давно смирился. Патрик не желал женщин. Они ему нравились. Женщины были, как правило, опрятней и ухоженнее мужчин, но он их не желал. Когда Патрик рассказал об этом Джейкобу Стауту, доктору, у которого жил в то время, тот задавал ему массу вопросов и сильно задумался.

— Понимаешь, Патрик, — сказал он. — Есть мужчины, которых тянет к мужчинам. Но если ты честно ответил на мои вопросы, то я не вижу в тебе такой склонности.

Молодой ирландец тогда сильно возмутился:

— Что!? Вы подумали, что я содомит?!

— Нет, нет. Что ты! — пошел на попятную доктор. — Но как врач я должен был выяснить этот вопрос.

Впоследствии Патрик был даже благодарен доктору Стауту за это обследование. Он совсем не хотел оказаться содомитом, и обследование доктора его успокаивало на этот счет.

Но Жана было не провести — слишком тесно они общались и «трудились».

— Тебе что, не нравятся наши девочки? — как-то спросил он. — Не можешь забыть своих ирландок?

— Нет, нравятся, — ответил Патрик. — Просто я их не желаю.

Он ждал от Жана обвинений в содомском грехе, разрыва их деловых отношений, но Жан только рассмеялся.

— Просто ты не встретил еще той, которая зажгла бы твое сердце!

Жан был родом из Марселя и, как все южане, любил яркое и броское. Только то, от чего рябит в глазах, он считал красотой.

— Я тебя отведу в одно место, где ты найдешь свою любовь, — сказал он тогда.

Так Патрик оказался в заведении мадам Жокó, в квартале красных фонарей. Там ему понравилось. Нет, проживая в доме у доктора Стаута, он узнал, что такое хорошее жилье. Но у доктора всё было как-то серо. Здесь же всё блестело. Яркий огонь свечей, громкий смех, звон бокалов и, конечно, женщины. Это были просто красавицы. Фигуры, прически, улыбки. Всё нравилось Патрику. А невзначай обнаженные плечи и даже часть груди делали их просто богинями.

Однако Патрик по-прежнему не желал ни одну из них. Но всё равно время и деньги, которые он потратил в тот вечер, ему было не жалко. Все вокруг были приветливы, старались ему угодить. Сейчас бы Патрик сказал, что тогда он попал из серых будней в атмосферу праздника, в котором хотелось бы пребывать вечно. То, что за всё это приходилось платить, молодого человека не смущало. А за что в жизни не приходится платить? В заведении мадам Жокó ему было хорошо, и совершенно не хотелось возвращаться в свою тесную коморку.

Кроме того, он чувствовал себя немного виноватым перед одной из женщин, которая пыталась его расшевелить. Звали ее Люси. Она была не местной, приехала издалека, из Нового света, что было само по себе странно. Многие, наоборот, стремились туда, а не оттуда.

На вопрос Патрика, почему она так поступила, Люси ответила:

— А что там хорошего? Мужики — сплошь неотесанные грубияны!

В тот вечер Люси вплотную занялась Патриком, и не ее вина, что у него ничего не получилось. Впрочем, можно сказать, что тогда он всё же потерял невинность. Не было ни одного уголка тела Патрика, куда бы не заглянула Люси. Каждая часть его тела получила от нее свою частичку внимания: была поглажена, пощечочена, поцелована. Да и свое тело она не скрывала. Полная грудь с розовыми бутонами сосков, гладкий живот с легким светлым пушком у пупка, влажная промежность — всё было продемонстрировано в лучшем виде, по всему прошлась, ведомая самой Люси, рука Патрика.

— Как жаль, — в конце концов сказала Люси. — Такой приятный, крепкий молодой человек — и ничего не чувствует!

Вот в заведение мадам Жокó Патрик и отправился. Здесь его также ждало разочарование. Нет, заведение было и носило такое же название, но... было уже каким-то чужим: незнакомые лица, совсем другая обстановка, к тому же весьма потрепанная.

Разочарованный, он уже было отошел от дверей заведения, когда его окликнул привратник.

— Эй, ты что, знакомую ищешь?

Честно сказать, Патрик и сам не знал, что он ищет. Свою молодость? Но на вопрос привратника он просто кивнул и назвал имя Люси.

— А! — сказал привратник. — Тогда тебе, мужик, надо на Рю Сивайэ, пять. Только... — он еще раз, словно впервые увидел, оглядел Патрика. — Только вряд ли это тебе по карману.

Патрик О'Хара не внял предупреждению привратника и всё же дошел до указанной улицы, которая оказалась далеко за пределами района «красных фонарей». Он нашел нужный дом и остановился в нерешительности. Открытая веранда со столиками, которые, очевидно, по причине раннего утра были пусты. Красивый вход в здание, и цветы повсюду. Всё в цветах. Они были на столиках в красивых маленьких вазочках, в корзинах, подвешенных словно фонари, у входа, в красивых ящичках под каждым окном. Всё было незнакомо, но на Патрика вновь повеяло тем чувством, которое он испытал, придя давным-давно вместе с Жаном в заведение мадам Жокó.

— Кого я вижу! — из дверей здания вышла красивая женщина, в которой Патрик не сразу узнал Люси. — Патрик! Какими судьбами?

«Удивительно, что она меня помнит», — подумал О'Хара. — «Хотя почему удивительно? Я же ее помню».

— Привет, Люси, — сказал он.

— Бери выше, — рассмеялась женщина. — Мадам Люси.

— Ты вышла замуж? — спросил Патрик.

Люси снова рассмеялась. Смех у нее был мягким и добрым.

— Замуж? — проговорила она сквозь смех. — Да, за это заведение.

— Проходи, — сказала она Патрику. — Я напою тебя кофе, а ты расскажешь, где пропал.

Потом они сидели внутри за столиком. Люси сама сварила кофе и, как бы извиняясь, сказала:

— Девочки в основном еще не приехали, поэтому я поухаживаю сама за тобой.

Люси посмотрела на Патрика и снова рассмеялась.

— Нет, нет, не в том смысле. Я теперь этим совсем не занимаюсь, — объяснила она. —

Ну, почти совсем.

Отрабатывая ласковый прием и кофе, Патрик рассказал о своих путешествиях.

— Так значит, и ты решил вернуться из Нового света домой?

Патрик только пожал плечами. Про свою теорию, что ему суждено постоянно двигаться, что именно в движении и есть жизнь, он не стал распространяться.

— А я вот скопила денег и открыла свое заведение, — Люси почему-то хмыкнула. — У нас здесь ресторан, а девочки как бы и не девочки совсем.

— А как у тебя с этим? — спросила Люси.

Патрик только развел руками.

— Жаль, — как когда-то десять лет назад, сказала Люси и хотела что-то продолжить, но со второго этажа, куда вела широкая лестница, послышался шум.

— Ну что это такое?! Ты опять разжирела!

Голос принадлежал мужчине. «Мужчина в годах, полный, скорее всего, лысоват», — подумал Патрик.

Вскоре на лестнице появился сам крикун. Выглядел он так, как его представил себе О'Хара. Одет крикун был в темный костюм и белую сорочку, воротник которой топорщился и выбивался из-под пиджака. В руках мужчина держал галстук.

— Она опять разъелась! — возмутился мужчина, обращаясь к Люси. — Это никуда не годится!

— Не переживайте так, месье Ларош, — поспешила навстречу разгорячившемуся клиенту Люси. — Позвольте мне помочь завязать вам галстук.

Она прижалась к крикуну своей большой грудью и попыталась взять у него из руки галстук. Но мужчина еще больше возбудился.

— Я сам справлюсь со своим галстуком, мадам! — выкрикнул он и оттолкнул от себя Люси.

Хозяйке заведения повезло. Сзади нее стояло кресло, и оно приняло в себя растерявшуюся женщину.

— Она разжирела, а вы мне обещали...! — снова начал кричать мужчина, но тут его взгляд остановился на Патрике, и крик тут же сошел на нет.

Еще мгновение назад в мужчине бушевали страсти, а сейчас он сдулся.

— Ик, — сказал мужчина, неотрывно глядя на Патрика. — Ик, ик.

Его икота начала наращивать частоту. Опомнившаяся Люси принесла стакан воды, стала отпаивать и успокаивать клиента.

Когда наконец мужчина справился с икотой, Люси завязала ему галстук — против чего он не стал уже возражать, — вежливо попрощался и вышел вон. Всё это время он опасливо поглядывал на молчаливо сидящего Патрика.

Проводив клиента, Люси снова под села за столик к О'Харе.

— Как странно он на тебя среагировал, — сказала Люси. — Ты пугаешь мужчин?

— И собак тоже, — сказал Патрик.

Потом он рассказал о своей особенности. Его боялись собаки: от маленьких до самых больших.

— С людьми такой случай впервые, — честно признался Патрик.

— А знаешь что... — подумав, сказала Люси. — Давай я найму тебя охранником. Будешь сидеть, делать страшные глаза и успокаивать клиентов.

— Дай день на раздумье, — сказал Патрик. Он не хотел сразу обижать Люси, которая его так ласково приняла, отказом.

В это время по лестнице, по которой несколько минут назад сбегал вниз возмущенный месье, стала спускаться девушка.

— Мадам, — словно не замечая Патрика, сказала она. — Но я совсем не поправилась. Последние два дня я почти не ем.

Тут она увидела Патрика.

— Ой, извините.

— Это мой старый друг, — успокоила ее Люси. — От него нет секретов.

— А про месье Лароша не расстраивайся. Он еще вернется, — продолжала она. — Но тебе всё же придется подстроиться под его желания.

Патрик смотрел на девушку и не мог понять, как это воздушное создание можно было назвать разжиревшей. На девушке было простое, без кружев и рюшек, черное платье, которое не скрывало ее худобы, а голые руки и плечи только подчеркивали изящность фигуры девушки. Под глазами девушки были небольшие припухлости. Патрик вспомнил свою младшую сестру, которую он давным-давно оставил на родине. В период их полуголодного детства у той были такие же припухлости под глазами.

И еще эта девушка была немного похожа на его знакомую по журналу «Метрополитен», мисс Одли. Тот же овал лица, высокий лоб. Только у этой девушки черты лица были поглубже: чуть потолще нос, чуть побольше уши, а губы, наоборот, слишком тонкие.

О'Хара так увлекся разглядыванием девушки, что не заметил, как Люси ему что-то говорит.

— Патрик, Патрик, — говорила Люси. — Ты меня слышишь?

— Да, да, — поспешил ответить Патрик. — Конечно.

— Это Жизель, — представила девушку Люси. — Как охраннику, тебе надо знать всех девушек по именам.

— Хорошо, — согласился он. — Привет, Жизель. Я Патрик.

Девушка улыбнулась ему в ответ, и эта улыбка сразу сделала ее лицо гораздо приятнее.

«Возможно, ты не так безнадежен», — подумала про себя Люси, глядя на Патрика и улыбающуюся ему Жизель.

А Патрик подумал, что временная остановка — не есть прекращение движения и что, вполне возможно, стоит согласиться на предложение своей старой знакомой.

Так Патрик стал охранником в заведении мадам Люси. В первый же день она познакомила его со всеми девочками. Их оказалось пятеро. Большинство из них были упитаны и жизнерадостны. Только Жизель, с которой он познакомился в самом начале, выделялась из этой пятерки. Девушки сразу, как только Люси представила им Патрика, стали улыбаться ему и строить глазки. Только Жизель продолжала смотреть на него без тени улыбки.

— Видишь, — сказала Люси. — Девочки радуются, что у них есть теперь защитник.

— А покажите, что вы можете, — неожиданно попросила его пышная блондинка, имени которой он не запомнил.

— Правда, — поддержала ее Люси. — Чему ты научился за эти годы? Ведь вы с Жаном еще тогда были шустрые ребята.

О'Хара растерялся. Он мог многое. Учитель Лю заставлял его упражняться с разным оружием, подчас давал ему то, что, казалось, и не было оружием вовсе.

— Зачем столько всего? — как-то спросил учителя Патрик.

Учитель вместо ответа постучал своего ученика по голове пальцем. Когда увидел в его глазах непонимание, постучал снова, а потом спросил:

— Больно?

— Больно, — ответил Патрик. Пальцы у учителя были словно каменные.

— Пару дней поболит, — с довольным видом сказал Лю. — Надеюсь, за это время сам найдешь ответ на свой вопрос.

Чего только не передумал за эти два дня Патрик. Было ясно, что, занимаясь с разным оружием, он никогда не станет мастером во владении сразу всеми этими приспособлениями для убийства человека.

«Тогда зачем?» — подумал Патрик и почесал больное место на голове.

«Голова!» — воскликнул он про себя. — «Вот я глупец! Учитель сам же показал мне место, где искать ответ». — Он усмехнулся.

— Учитель, — обратился он к Лю, когда отпущенные два дня прошли. — Все эти упражнения развивают голову.

— Или не развивают, — улыбнулся Лю.

«Или не развивают», — тогда эхом повторил за учителем О'Хара. Но, покидая учителя, он был точно уверен в одном. Тот Патрик, что пришел к учителю два года назад, и тот Патрик, что прощался с учителем сейчас, были разными людьми.

«Что же им показать?» — подумал О'Хара, а потом развел руки в стороны и сделал присед на одну ногу. Обычно учитель после этого привешивал на каждую руку по ведру, в которое подбрасывал камешки до тех пор, пока Патрик не падал без сил.

Девочки захлопали. Ободренный Патрик выпрямился, но тут же нагнулся, коснулся ладонями пола и, оттолкнувшись ногами, стал на руки.

А потом запел песенку, которой давно обучил его Жан.

Ксавье де Боншон полюбил принцессу,
И знаки внимания ей уделял:
Изысканно кланялся направо, налево
И в звонких песнях ее воспевал...

Патрик пел и делал небольшие шаги руками. Его лицо наливалось кровью, сердце частило, оказавшись в непривычном положении, но О'Хару в тот момент беспокоила другая мысль. Не стерлась ли подошва на его ботинке? Ведь теперь она была видна всем. Но девочки и их мадам были в восторге. Они все вместе ему подпевали. Когда он допел песню и вернулся на ноги, вокруг дружно захлопали.

— Молодчина, — сказала Люси. — Но нужно что-то другое, чего бы боялись.

— Могу ножи метать, — ответил запыхавшийся Патрик. Правда, лучше всего он управлялся с каменными шарами. Шар круглый. Ему все равно, как лететь. А ножики... они такие своенравные.

— Отлично, — неожиданно согласилась Люси. — Попробуй в эту стену.

— Обои испортятся, — сказал Патрик.

— Ничего, — махнула рукой хозяйка. — Всё равно хотела их менять.

— Тогда пусть одна из девушек станет к стене, — сказал О’Хара. Сказал и только потом подумал, что еще никогда этого не делал. Не было случая. Аплодисменты девочек его раззадорили. Хотелось чем-то удивить зрителей, вот и выпрыгнуло необдуманное предложение.

Он посмотрел на затихших девочек и успокоился. Никто из них не горел желанием стать мишенью.

«Ну и слава богу», — подумал О’Хара, но в этот момент одна из девочек, а именно Жизель, подошла к указанной мадам стене и прижалась к ней спиной. Отступить Патрику уже было поздно.

Люси принесла с кухни ножи. Они были разными: большими и маленькими, тяжелыми и легкими, — и Патрик еще раз пожалел о своем необдуманном предложении.

— Разведи руки в стороны, — сказал он Жизель. — И главное — стой неподвижно.

Девушка его послушалась. Руки, как ветви тонкого дерева, поднялись в стороны и застыли.

«Долго она их так не продержит», — подумал Патрик и не стал тянуть.

Первым он бросил самый большой нож. От него плохо пахло. «Мясо, что ли, режут?» — подумал Патрик. Нож воткнулся рядом с головой Жизель. Девочки ахнули, а лицо живой мишени стало еще бледнее. Но Патрик всего этого не слышал. Снова заболело то место на голове, куда много лет назад своим пальцем ткнул учитель. Второй нож, чуть меньше первого, нашел свое место с другой стороны головы девушки.

— Тук, тук, тук, — проговорили оставшиеся ножи и застыли с разных сторон рук Жизель.

— Bravo! — сказала Люси. — Это надо будет показать нашим клиентам. Пусть знают, кто охраняет моих девочек.

Так и повелось. Один раз в неделю, как правило в пятницу, Патрик метал ножи. Люси заказала большой деревянный щит, который до поры до времени стоял закрытый шторой. Штора отодвигалась, выходила Жизель, так как другие девочки наотрез отказались участвовать в этом. Ножей было уже десятков. Патрик сам купил их на парижском рынке. Когда он заканчивал метать, ножи повторяли силуэт Жизель. Девушка уходила, а Патрик делал мрачное лицо и предлагал имевшимся на тот момент клиентам самим попробовать постоять у щита. Желающих не находилось.

Но это было раз в неделю. Всё остальное время Патрик сидел в уголке ресторана, за небольшим столиком, делая вид, что происходящее вокруг его не интересует. Зато клиенты его прекрасно видели и помнили его мрачное предложение стать живой мишенью.

Так что в заведении мадам Люси всегда было тихо и спокойно, если не считать звуков, доносившихся из комнат девочек. Спокойствие, уют и полное удовлетворение мужских потребностей — именно за этим к Люси приходили ее клиенты.

— Мадам, — как-то спросил у Люси Патрик, проработав неделю. — А зачем вам нужен охранник?

— Почему ты спрашиваешь? — удивилась Люси.

— Все ваши клиенты — такие спокойные люди! — объяснил он. — Еще не было случая, чтобы кто-то буянил.

— Ах, Патрик! — вздохнула хозяйка заведения и присела к нему за столик. Было раннее утро, клиентов не было, девочек еще не привезли, и она могла это себе позволить.

— Понимаешь... — сказала она. — Если грядку не пропалывать, то урожая не будет. Главное, вместе с сорной травой не выбросить полезные всходы.

— Получается, что я — что-то вроде садовника?

Люси засмеялась.

— Не обижайся, Патрик, но садовник тут один — я, — сказала она, вставая из-за стола. — А ты... что-то вроде мотыги.

«Что ж», — подумал Патрик. — «Садовник тоже многого не сделает без мотыги». — И совершенно не обиделся.

Жизель на самом деле была не Жизель, а Вивьен. Под этим именем она прожила худшую, как она считала, часть своей жизни в предместье Парижа.

Когда в доме совсем не осталось еды, отец отвел ее в заведение, где мужчины развлекались с женщинами. Хозяйка заведения, которую звали мадам Люси, сначала отмахнулась от девушки, но потом в ее глазах появился огонек интереса. В результате отец Вивьен получил немного денег, и дочь больше никогда не видела своего отца.

Выяснилось, что некоторым мужчинам, которые приходили в заведение мадам Люси, нравились худышки. Так Вивьен стала Жизель. С тем, что делали с ней мужчины, Вивьен смирилась. Люси объяснила ей, что останься она в деревне, с ней делали бы то же самое, только за это она не получала бы денег.

«А еще», — добавляла про себя Вивьен. — «У меня есть крыша над головой и много еды». Хотя с этим были проблемы. За первый месяц новой жизни она стремительно пополнила.

Мадам Люси это не понравилось. Она грозила выгнать ее на улицу, если та не похудеет вновь. Пришлось уменьшать порции и жить в постоянном чувстве голода. А еще терпеть насмешки других девушек, работавших в заведении мадам Люси. Одна из них, толстушка Адель, часто подшучивала над Вивьен.

— Ты не туда попала, — говорила та, макая хлеб в жирную похлебку и отправляя его в рот. — Тебе бы к монахам. Те бы сразу из тебя святые мощи сделали.

Шутки других девушек не особо трогали Вивьен, только обедать всем вместе было невыносимо. Ей давали всего несколько ложек похлебки и никакого хлеба. Смотреть, как другие с аппетитом поглощают свои порции, было тяжело.

Неожиданно помог новый охранник. Он предложил ей приезжать в заведение пораньше, и они, до начала ее работы, вместе совершали длинные прогулки, с которых Вивьен возвращалась усталой, но зато не надо было уменьшать порцию завтрака. А еще с ее лица ушла бледность. Это было плохо. Тот же месье Ларош восхищался именно бледностью ее щек. Но эта проблема легко решалась специальной пудрой, и к этому привередливому клиенту она являлась настоящей серенькой «мышью».

Прогулки с охранником, которого звали Патрик, появились не просто так. В заведении мадам Люси было принято, что охранник мог быть с любой из девушек заведения один раз в неделю. Когда Патрик только начал работать у них, Адель решительно заявила, что он в первую очередь придет к ней. Но вышло по-другому. Рано утром охранник пришел в комнату Вивьен. Та поняла цель его прихода и стала раздеваться, но мужчина остановил ее. Он сел рядом с ней на кровать и стал рассказывать о том, что видел в других странах: о людях, странных животных, как они живут, что едят. Вивьен нечего было рассказать в ответ. Так она и сказала. Это вызвало смех Патрика, и он обнял ее за плечи. Так они посидели немного.

Это было непривычно. Мужчины обычно сразу начинали трогать ее за разные части тела и заставляли принимать разные позы. Никогда еще ни один мужчина не обнимал ее так. Вивьен чувствовала на своих плечах сильные руки Патрика, но они не давили своей тяжестью, а прикасались легко, словно мягкие крылья. Девушка поняла, что Патрик старается не причинить ей неудобств. Это была первая забота со стороны совершенно постороннего человека, которую Вивьен испытала. Когда-то давно так ее обнимала мать. На душе девушки стало тепло и спокойно. Она непроизвольно склонила голову на плечо Патрика. Тот повернулся к ней и поцеловал. Поцеловал в губы. Но этим Патрик не ограничился. Он начал целовать ей глаза, нос, приподнял волосы и стал целовать ушки. Всё это он делал осторожно, также, как до этого

осторожно обнимал ее за плечи. Что-то в душе Вивьен вспыхнуло, и она, обхватив Патрика за шею, прижала его к себе.

Дальше всё произошло как обычно и не как обычно одновременно. В постели Патрик вел себя то слишком резко, то к нему снова возвращалась его осторожность в действиях. То он слишком крепко сжимал тело Вивьен, заставляя ее вспоминать других мужчин, то его руки начинали нежно скользить по ее коже, от чего сердце начинало сильно биться. Когда всё закончилось, они молча лежали рядом. Девушка осторожно приподнялась на локте и взглянула в лицо Патрика. Его глаза были широко раскрыты, а на губах блуждала улыбка. На лбу ее любовника выступило несколько капель пота, намочив прядь рыжих волос. Вивьен протянула руку, провела пальцами по лбу, зачесывая намокшие волосы своего мужчины назад. Это доставило ей удовольствие. Она стала повторять это движение, пока Патрик не поймал ее руку и не стал целовать в раскрытую ладонь.

— Спасибо тебе, — сказал он.

После этого начались их ранние совместные прогулки. Патрик много и интересно рассказывал. Но даже и без этих рассказов просто идти рядом с ним было легко и приятно.

«Со стороны мы можем казаться небогатой супружеской парой на прогулке», — думала Вивьен, но в конце концов приходилось возвращаться в заведение, где Патрик становился охранником, а она — той, кем пользуются мужчины за деньги.

А еще в свой день недели Патрик стал приходить только к ней. Почему? Ему тоже нравились худышки? Или... или... в тот момент, когда Вивьен думала про это, она давала волю своим фантазиям, которыми она так увлекалась, что они занимали ее даже тогда, когда она работала, была с другими мужчинами. Если это случалось, то ее эмоции прорывались наружу, а ее клиенты приятно удивлялись.

— Я тебе нравлюсь, — сказал ей как-то месье Ларош, одеваясь. — Вот держи, купи себе чего-нибудь сладкого. — Толстяк дал ей несколько монет сверх положенной платы.

Одного дня Патрику и Вивьен стало не хватать. У нее был один выходной день, который девушка решила использовать для встреч с любимым. Другие девочки в свои выходные либо ехали на дом к пригласившему их клиенту, либо просто бездельничали. Вивьен в свой выходной стала приходить в маленькую квартирку, где жил Патрик. Сначала они ели что-нибудь вкусненькое, а потом она сидела на коленях у Патрика. Иногда в такие моменты они просто молчали, наслаждаясь объятиями друг друга. А потом была только их ночь. Засыпая на плече у Патрика, она представляла, как в один из дней уедет с ним в те далекие страны, про которые он ей рассказывал.

Глава 2. Один в океане

Поверхность океана была гладка, как зеркало. Если бы я этого сам не видел, то никогда бы в такое не поверил. Время от времени налетал легкий ветерок. Он на мгновение комкал сказочную гладь, но тут же быстро исчезал, словно устыдившись содеянного. Зеркало океана появлялось вновь, и в нем вновь отражались и отблеск звезд, и дорожка света Луны, которые уже показались на небе.

И вся эта красота была только для меня одного. Сиди и любуйся. Бесплатно и бесконечно. Я вспомнил, что подобное у меня уже случалось. Еще до того, как волна туристов из Китая захлестнула Европу, я побывал в Лувре и около часа просидел на скамеечке напротив «Моны Лизы». Нельзя сказать, что я какой-то особенный ценитель живописи, просто в тот день я порядочно находился по Парижу, и ноги требовали отдыха. Редкие посетители музея проходили мимо меня, но это никак не нарушало моего единения со знаменитой картиной. Говорят, что годами позже такое стало невозможно.

Вот и сейчас я в гордом одиночестве любовался красотами океана. Но красота снизошла на океан не просто так. Пропал ветер, который несколько часов гнал меня от берегов Цейлона за «Ливерпулем». И это произошло не внезапно. Ветер пропал, снова появлялся, словно хотел меня предупредить: «Я скоро исчезну, так что имей это в виду». Но я в тот момент был слишком возбужден, чтобы обратить внимание на эти предупреждения. Да и если бы внял им, то всё равно уже не мог бы ничего изменить. В конце концов ветер пропал окончательно. Мой парус безвольно повис. Где-то вдалеке мигнули белые пятнышки парусов «Ливерпуля» и исчезли, а я остался один.

Возбуждение после происшествия в горах схлынуло, оставив после себя пустоту и разочарование. В голове блуждали обрывки мыслей. Почему я так поступил? Зачем пустился вплавь на этой лодочке? На что я надеялся? Что за глупость — вернуться в прошлое силой разума? Последняя мысль из блуждающего сознания принесла сладость и горечь одновременно. Сладость — так как еще совсем недавно я истово верил, что смогу перенестись в прошлое, в свой потерянный мир, в те счастливые дни на берегу Красного моря. А горечь — от сознания, что это невозможно. Да, неведомо почему, под воздействием неизвестной силы, я оказался в параллельном мире, в теле другого человека, но... Чудеса, конечно, случаются, но крайне редко и не по нашему «велению и хотению».

В остальном меня вряд ли можно было бы упрекнуть. Мне надо было убраться с острова, где меня не ждало ничего хорошего, я и убрался. Можно даже сказать, стильно убрался.

Усталость брала свое, и я попробовал улечься на основном бревне своей лодочки. Попробуйте лечь на узкую доску и оставаться в таком положении неподвижно! Было неудобно, а любое движение грозило купанием в океане. Сидеть на бревне было более или менее сносно. Снизу, в стороны от бревна торчали крепкие палки, на которые можно было опереться ногами, но дальше к парусу по бревну прострогали лишь узкую дорожку. Быстро пробежать, поднять парус и обратно — на сидячее место. Для лежачего отдыха это совсем не подходило.

В конце концов я кое-как устроился: вытянулся, положил ногу на ногу, а руками уперся в те палки, которые предназначались для ног в сидячем положении. Благодаря штилю лодка была неподвижна, и я заснул. Ненадолго. Очевидно, во сне я попытался повернуться на бок и... оказался в воде. Не растерялся, выбрался обратно на свое бревно, но лечь больше не пытался. Так и просидел до утра, клюя носом: то засыпая, то просыпаясь вновь.

Взошедшее над океаном солнце я встретил усталым и разбитым. Хотелось пить. Пришлось утолить жажду, выпив собственную мочу. Ну что сказать? Если правильно настроиться, то пить можно. Чувствую, что с настроением в ближайшее время океан мне поможет.

Я вновь вытянулся на своем бревне, а лицо от начинающего припекать солнца прикрыл шляпой. Время от времени я опускал свой головной убор в воду. Капли воды стекали со шляпы по моему лицу, испарялись и тем самым давали некую свежесть. Один раз на лицо из шляпы шлепнулась маленькая рыбешка, которую я случайно зачерпнул вместе с водой. Рыбешку я попробовал съесть. Откусил несколько микроскопических кусочков и сжевал, не почувствовав никакого вкуса. Удовольствия не получил, но понял, что от голода я не умру. Если и умру, то от чего-нибудь другого. Например, от того, что моя лодка развалится на части, а я окажусь в воде и там уже меня на вкус будут пробовать другие рыбешки, покрупнее.

Почему я подумал, что лодка может развалиться? Мне повезло, что на море не было серьезного волнения. Основное бревно лодки удерживалось в равновесии за счет балансира — другого небольшого бревна, которое крепилось к основному двумя жердями. Если поднимутся хотя бы небольшие волны, то либо эти жерди сами не выдержат волновой нагрузки, либо перетрутятся веревки, которыми они прикреплены к основному бревну. Это основное бревно потеряет равновесие и перевернется, а я окажусь в воде.

Боялся ли я умереть? Как ни странно, нет. Ведь получалось, что я, можно сказать, прожил две жизни вместо одной. Моя вторая жизнь получилась хоть и короткой, но весьма насыщенной. Грех было жаловаться. Но, несмотря на это, умирать не хотелось. Не хотелось — и всё тут. И снова стали мучить вопросы, почему всё так получилось? И неожиданно пришло объяснение. Ты с кем связался? С кем ты собрался бороться? С судьбой? Ведь, затеяв эту возню с фондом для Терезы, не дав ей вернуться в Сан-Франциско и тем самым прервать ее путешествие, я ни много ни мало замахнулся на рок. В тот момент играть по его правилам, которые привели к смерти Веры, мне показалось отвратительным. Я не мог вернуть Веру к жизни, но я мог в другом досадить тому порядку вещей, который происходит как бы без нашего участия и который принято называть роком или судьбой. Как выяснилось, я выиграл сражение, но проиграл кампанию. Судьба легко поставила меня на место, а вернее, забросила на хлипкой лодочке в океанскую пустыню.

— Ну что? Поборолся? — я явственно услышал этот вопрос, словно тот, кто задавал его мне, был рядом. Я даже убрал шляпу с лица, приподнялся и огляделся по сторонам. Кого я хотел увидеть? Тот, кто задавал вопрос, сидел у меня в голове и хмыкал, наблюдая за моими действиями. — Будешь и дальше бороться?

Очень хотелось ответить утвердительно, встать в полный рост, пойти в атаку и... Теперь и я, и тот, кто сидел у меня в голове, хмыкали вместе. Я снова лег и накрыл лицо шляпой. Вот и вся моя «атака». Глупо было не признать, что я ввязался в спор с тем, кто был сильнее меня. Я могу сто раз повторить, что я не подчинюсь судьбе, но начнется шторм, я окажусь в воде, а потом вскоре пойду ко дну, и от количества моих ругательств вероятность такого варианта развития событий никак не уменьшится.

И я не смогу выполнить обещание, данное Вере. В каждом из нас сидит маленький, грязный человечиска, который время от времени всплывает из глубин сознания и нашептывает свои гаденькие мысли. Вот и сейчас он решил проявиться. «Какое обещание?! О чем ты говоришь?! Ей уже ничего не надо!» Самое противное было в том, что с такими предложениями было легко согласиться. Но не в этот раз. От мысли о том, что я забуду про то, как теряющая краски жизни Вера еле слышно, одними губами шепнула: «Обещаешь?», трудно стало дышать, а в лицо полыхнуло жаром, словно на нем не лежала мокрая шляпа. Я снова сел на бревно и долго плескал в лицо морской водой.

Водные процедуры помогли, я почувствовал себя лучше. Но вопрос «Что же делать?» по-прежнему маячил в голове. С другой стороны, что есть судьба? Ее можно было бы, наверное, сравнить с рекой. Широкая, течение быстрое. И несет она нас родимых, и вполне возможно даже не догадывается о нашем существовании. Мы сами «оживляем» судьбу, присваиваем ей сознательные поступки, словно реке есть какое-то дело до щепок, несущихся по ее

волнам. Я попробовал поплыть против течения и выбился из сил. Просто выбился из сил, но попутно придумал сказку, как меня наказала судьба. А ее нет! Есть просто река. Можно попробовать добраться до берега, можно попробовать ускориться, но плыть против течения не выйдет. Образ реки получился таким... родным, что ли. От этого захотелось нырнуть в ее воду, добраться до песчаного дна, потом вынырнуть, зажмуриться от плеснувшего в глаза солнца, лечь на спину и отдаться ее течению. Что в этом плохого?

«Нет», — сказал я сам себе. — «Не буду я больше испытывать судьбу. Не буду пытаться плыть против течения. Куда река — туда и я».

Стоило мне об этом подумать, как что-то незримо изменилось вокруг меня. Вроде бы та же лодка, тот же океан вокруг и то же солнце на небе. Я закрутил головой, выискивая причину беспокойства. И нашел. На горизонте, там, откуда поднялось солнце, воздух начал слегка подрагивать, а потом темнеть. Через некоторое время он превратился уже в небольшое облачко дыма, а еще через какое-то время на горизонте появился черный корабль, нещадно дымивший своими двумя высокими трубами.

Я встал на своей лодочке во весь рост и стал махать шляпой. Три широких взмаха, три коротких, а потом еще три широких. Надеюсь, что в этом мире есть азбука Морзе, а сигнал бедствия «спасите наши души» передается таким же образом. Когда от этой «азбуки Морзе» стали отваливаться мои руки, над океаном раздался мощный гудок, потом еще раз и еще. Меня заметили. Я устало опустил на свое бревно и стал ждать.

После почти двух дней одиночества в океане черный надвигающийся корабль казался громадным. То ли капитан корабля приказал довернуть штурвал, то ли это вышло случайно, но вся эта махина, тормозя обратным ходом, медленно проплыла мимо меня и остановилась всего в нескольких десятках метров от моей лодки.

— Эй, на лодке! — крикнули с корабля по-английски. — Помощь нужна?

«Что это, если не знаменитый английский юмор?» — подумал я. Юмор, потому что я уже полчаса вымахивал три буквы: С. О. С. — спасите наши души. А этот, судя по голосу, молодой англичанин спрашивает, нужна ли мне помощь. Ладно, пошутим и мы.

— Подбросьте до Адена, если не трудно! — прокричал я. Но в горле всё пересохло, и я был совсем не уверен, что меня поняли.

Однако с борта остановившегося корабля сбросили веревочную лестницу. Как видно, лодку за мной отправлять никто не собирался.

Пришлось самому подгрести к кораблю. В результате запыхался и натер мозоли на обеих ладонях. Зацепился за лестницу, которая стала тут же извиваться подо мной. Я пару раз хорошо приложился о железный борт корабля, пока добрался до его верхнего края. Схватился за протянутую руку и перебрался через фальшборт на судно.

Протянувший мне руку англичанин был молод, лет двадцать — двадцать пять. Черная форма, похожая на ту, что носил капитан Хемпсон на «Пасифике», только у этого молодого человека двубортный длиннополый пиджак был перетянут ремнем, на котором висел внушительный кортик. Не шпага, конечно, но и не ножичек какой-нибудь. Приятное лицо, доброжелательная улыбка и крепкое пожатие, которое он тут же ослабил, когда увидел, что я скривился от боли. Ладони, натертые веслом, не стали себя чувствовать лучше после подъема по веревочной лестнице.

— Позвольте взять ваше судно на бордаж, — сказал я. — Деньги и женщин — ко мне в каюту, остальных — за борт.

Моя шутка была принята. Встречавший меня молодой человек еще шире заулыбался и представился.

— Лейтенант Вильям Хантингтон, — сказал он. — Рад приветствовать вас на «Дефендере».

— Энтони де Клер, — с удовольствием улыбнулся в ответ я. — Терплю бедствие. Если не трудно, то подбросьте до Адена.

— Подбросить? — удивился лейтенант.

— Помочь добраться, — пояснил я.

— А, — понимающе заулыбался молодой человек. — Это будет решать капитан, но если вы порадуете нас своей историей, то я думаю, что он будет не против.

— Тем более что мы туда и идем, — рассмеялся он. — Пойдемте, я провожу вас к нему на мостик.

— Мне бы воды, — не выдержал я. — А потом я готов идти не только на мостик, но и на эшафот.

Лейтенант засмеялся, крикнул кому-то, и вскоре я глотал из зеленой стеклянной бутылки теплую, но, как мне показалось, очень вкусную воду.

Капитан встретил меня без улыбки. Молча окинул взглядом мой помятый костюм и нехотя спросил:

— Кто вы?

— Энтони де Клер, графство Херефорд, — представился я, припомнив название графства из писем, которые писала мать Деклера.

— Лорд, я так понимаю? — всё с той же недовольной миной спросил капитан. При этом он не назвал мне ни своего имени, ни звания в ответ.

Я только пожал плечами. Лордом меня называл док, Стив Уолш. Сам я называл себя лордом, представляясь на «Пасифике», но тогда у меня в кармане лежали документы, выправленные с помощью Маккелана. Сейчас, представляясь лордом, я бы выглядел как персонаж Юрия Яковлева в фильме «Иван Васильевич меняет профессию»: «Царь, очень приятно. Царь».

Поэтому я обошелся только пожатием плеч. Пусть думает, что хочет. Не выбросит же он меня обратно в море-океан.

— Лейтенант Хантингтон, — тем временем обратился капитан к приведшему меня офицеру. — Помогите мистеру Деклеру обустроиться.

— В Адене я ссажу вас на берег, — это уже, обращаясь ко мне, сказал капитан.

Я вместе с лейтенантом спустились с капитанского мостика на палубу, и меня куда-то повели.

— Не обращайтесь внимания на нашего капитана, — стал объяснять мне мой спутник. — Он терпеть не может таких, как мы с вами, аристократов. Сам-то он из низов выбился. Но капитан отличный.

— Просто... — простодушно продолжил он. — Просто наш капитан чуть-чуть больше бухгалтер, чем моряк. Морское ведомство обязало всех капитанов строго следить за расходами на уголь. Конечно, за дополнительные расходы никто с военного крейсера не спросит, но вот за экономию — капитану доплачивают.

— Таким образом, остановив «Дефендер», вы вынули из кармана нашего капитана несколько фунтов, — рассмеялся лейтенант.

Я кивнул головой. Понятно. Всё, как везде. Но меня сейчас занимали другие мысли.

— Одну минутку, лейтенант, — сказал я и выглянул за борт.

Корабль, приютивший меня, уже дал полный ход и, раздвигая волны, двинулся вперед. На волнах, поднимаемых кораблем, одиноко покачивалась моя лодочка.

«Прощай», — про себя сказал я то ли этой лодочке, то ли своей очередной перевернутой странице жизни.

— Всегда мечтал служить на паруснике, — сказал за спиной мой провожающий. — А приходится служить вот на этом.

— Не переживайте, лейтенант, — решил успокоить его я. — Еще гордиться будете.

— Давайте по именам, — снова улыбнулся мой спутник. — Можно просто Вильям.

— Энтони, — я протянул руку и тут же пожалел об этом, потому что лейтенант крепко ее пожал.

— Кстати, если вы из графства Херефорд, то мы — соседи, — сказал Вильям. — Наше графство Хантингтон рядом.

— Так вы тоже лорд? — спросил я наугад.

— Если бы! — усмехнулся лейтенант. — Я даже не второй, а третий сын.

Так, разговаривая, мы дошли до каюты, которая была, как я потом понял, для таких, как я, случайных пассажиров. По дороге Вильям дал поручение одному из вахтенных матросов, и тот вскоре принес мне новую одежду.

— Переодевайтесь, — сказал Хантингтон и вышел за дверь. Каюта была крохотной, и я, стараясь ничего не задеть, принялся переодеваться.

Принесенная одежда была формой матроса, новой и чистой. Свободные синие штаны, затягивающиеся на поясе шнурком. На удивление белая рубашка с большим отложным воротником, который у шеи был синим, а по краям белым. А еще синяя короткая курточка и мягкие парусиновые тапочки. Последним элементом одежды была соломенная шляпа, вокруг тульи которой была повязана черная лента с довольно длинными свисающими концами.

Свою одежду я аккуратно сложил и держал в руках, раздумывая, куда ее пристроить: то ли на койку положить, то ли на крохотный столик.

Мои сомнения разрешил вошедший лейтенант.

— Бросьте на кровать, — сказал он. — Мой матрос зайдет и приведет в порядок.

«Что за „мой матрос“?» — подумал я и удивленно посмотрел на молодого человека.

— За каждым офицером закреплен матрос, — стал объяснять тот. — Постирать, почистить, в каюте убрать. Немного плачу из своего кармана. Так что все довольны.

— Пойдемте в кают-компанию, там уже все собрались, — огорошил меня Вильям. — Поедите, а заодно расскажете свою историю. Страсть как хочется узнать, как вы оказались в этой лодчонке посреди Индийского океана.

Я одел на голову матросскую шляпу. Та оказалась слегка мала. Один порыв ветра — и ее унесет. Лейтенант словно прочел мои мысли.

— Эти шляпы надевают только на построение или когда на берег выходят, а так обычно матросы повязывают головы платками, — пояснил он и добавил: — Пойдемте, Энтони, не будем заставлять всех ждать.

Вот в таком наряде — свежее испеченного британского матроса — я и отправился вместе с добродушным лейтенантом Хантингтоном в кают-компанию.

Но вода, которой меня угостил при встрече мой спутник, немного изменила наш маршрут. Лейтенанту пришлось вести меня в офицерский галльюн.

— Почти по-королевски, — сказал он, показывая на дверь.

«Почти по-королевски» означало несколько высоких мест для освобождения тела от лишнего — что-то среднее между «просто дыркой в полу» и унитазом. Забираться на него приходилось с ногами либо пристраиваться рядом, если собираешься справить малую нужду. В конце надо было дернуть за висящую рядом цепочку, чтобы всё было смыто, очевидно, в океан.

— А как у матросов? — спросил я, выйдя из морского туалета.

— Всё то же самое, только мест побольше, — очень дипломатично ответил Вильям. — У нас современный крейсер, по нужде за борт не ходим.

«А как же твоя мечта про парусники?» — подумал я. — «Там бы пришлось за веревку держаться».

Вообще я доставил своему спутнику массу неудобств. Выйдя из туалета, я спросил его, где можно помыть руки. Увидев его удивленный взгляд, тут же исправился:

— Умыться. Два дня в море, — нашелся я, чтобы тот не подумал, что я испачкал руки во время посещения гальюна. — Не хочется предстать перед офицерами корабля неумытым.

Странно, но комната для водных процедур была довольно далеко от туалета, зато в ней был душ и несколько раковин с краниками, из которых текла вода. Ни мыла, ничего другого подобного. Наверное, всё надо было приносить с собой. Эх, где мой багаж?! Там, в чемодане Деклера, наверное, так и продолжает лежать кусок коричневого, неважно пахнущего мыла.

Но лучшее — враг хорошего. Поэтому я вымыл руки, потом с удовольствием сполоснул лицо, смыв налет соли, и почувствовал себя почти отлично. Сейчас бы вздремнуть пару часов на койке в той маленькой каюте, которую для меня выделили гостеприимные моряки. Она уж точно будет шире того бревна, на котором последние два дня я пытался поспать. Идти никуда не хотелось, но я понимал, что надо чем-то расплачиваться за свое спасение и гостеприимство.

Кают-компания оказалась довольно большой комнатой, примерно такой же, как капитанский салон на «Пасифике». За большим столом собралось человек пять мужчин. Большинство из них носили густые бороды и усы. Только у двух, самых молодых, вместо бород был легкий пушок на лице.

— Лорд Энтони де Клер, — представился я. — Графство Херефорд.

Документов никто не спрашивал, хотя назвать взгляды, обращенные на меня, доверчивыми было точно нельзя. Я еще больше проникся теплотой к лейтенанту Хантингтону, который поверил мне сразу и безоговорочно.

Каждый из офицеров представился. Не вставая, только слегка кивнув головой.

— Коммандер Томас Харрисон, морская пехота, — сказал мужчина средних лет с аккуратной короткой бородой, но длинными усами, кончики которых торчали вверх.

— Первый лейтенант Эндрю Форд, — кивнул мне головой другой офицер, примерно такого же возраста, что и морской пехотинец.

«Странно», — подумал я. Мне казалось, что лейтенант — это удел молодых. Возможно, здесь это не так.

— Второй лейтенант Джордж Келли, — этот мужчина был тоже не молод и отличался от других очень светлой кожей лица со множеством веснушек. Неудивительно, что и усы, и борода у него были рыжими.

Два безбородых молодых человека оказались гардемаринами. Свои имена они промямлили невнятно, и я их не запомнил.

«Что-то маловато офицеров на такой корабль», — подумал я. — «Хотя, наверное, есть еще вахтенные офицеры. Кто-то занят другой работой, а кому-то, возможно, просто неинтересно».

Офицеры терпеливо дождались, пока я закажу еду подошедшему ко мне матросу. Я решил их не томить, заказал омлет побольше и кувшин с водой.

Омлет выглядел очень аппетитно, но проглоченный кусок застрял где-то у меня в середине пищевода. Пришлось пить воду, но это всё равно не спасло меня. Я закашлялся. Сидящий рядом Вильям дружески постучал меня по спине.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал я, когда откашлялся. — За два дня я съел только одну маленькую рыбешку. Отвык. — Попытался пошутить я.

Второй кусок омлета был воспринят моим организмом более благожелательно, и я рискнул, не прерывая процесса жевания, спросить:

— Джентльмены, а как далеко от берега вы меня выловили?

— Примерно сто миль от побережья Цейлона, — ответил первый лейтенант Форд. — Вас отнесло течением.

— Благодарю, — кивнул я. — Еще какое-то время я шел под парусом.

Омлет быстро закончился. Я сделал глоток воды и начал свой рассказ.

— В первую очередь я хочу поблагодарить в вашем лице команду корабля за свое спасение, — сказал я.

— Не за что, — снова ответил Форд.

Как видно, он здесь за главного, хотя, мне казалось, что звание командера морского пехотинца главнее. Или я опять что-то не понимаю?

— В этих местах корабли ходят часто, — продолжил «предок» будущего автомобильного магната. — Рано или поздно на вас наткнулся бы кто-нибудь другой.

— Хорошо, что это произошло «рано», — пошутил я, а офицеры вежливо заулыбались. — А история моя такова. Я — путешественник. — Наконец я приступил к рассказу.

Ограничился только тем, что произошло на Цейлоне, так как именно эти события привели к тому, что я оказался в море один на утлой лодочке.

По мере того как продолжался мой рассказ, лица моих слушателей становились добрее, что ли, а в глазах гардемаринов даже появился блеск, и их щеки покраснелись.

— Лейтенант Хантингтон так вежливо предложил мне помощь, что я счел неуместным отказываться, — закончил я. — И вот я у вас на борту.

— Хм, занимательно, — сказал первый лейтенант, скребя подбородок. — Но опрометчиво. Небольшой шторм — и вы бы пошли ко дну.

— А что мне оставалось делать? — возразил я. — Слуга Вирасингхе видел меня и мог организовать на меня нападение.

— Ерунда! — включился в обсуждение Томас Харрисон, командир морских пехотинцев. — Надо было просто обратиться в местный британский гарнизон. Тогда бы никто из туземцев и близко к вам не подошел.

— Возможно, — согласился я. — Просто, скорее всего, в тот момент я был слишком возбужден и плохо соображал.

— Впервые пришлось? — командир морпехов провел ребром ладони у себя по шее.

Я кивнул.

— Тогда понятно, — продолжил он. — Первый бой он такой...

— А мог ли мистер Деклер догнать «Ливерпуль»? — спросил один из гардемаринов.

— Кто знает? — снова первым ответил Форд. — Всё зависит от ветра, от того, какой парус был у мистера Деклера.

— Парус бы не помог, — возразил Джордж Келли, второй лейтенант. — Как только поднялся бы ветер, поднялись бы и волны и оторвали бы балансир лодки к... такой-то матери.

— Мне другое непонятно, — вклинился в разговор морской пехотинец. — Как вы могли ранить охранников картами?

— Костяными картами, — поправил его я.

— Всё равно, — не успокоился тот. — Надо уметь еще попасть, да еще в незащищенную одеждой часть тела.

— Я тренировался, — объяснил я. — Переход от Гонконга до Сингапура выдался на редкость скучным.

— А не могли бы продемонстрировать? — сказал командер. — Нет, не подумайте, что я вам не верю. Но для, так сказать, расширения кругозора.

— Если найдете колоду карт, — не стал отказываться я, а про себя подумал, что почему бы и не развлечь людей, которые выручили меня из серьезной беды.

Форд взглянул на молодых гардемаринов. Один из них вскочил, выбежал из кают-компании и вскоре вернулся с колодой карт.

Я снял свою соломенную шляпу и обратился к сидящему рядом Вильяму Хантингтону:

— Поможете?

Лейтенант кивнул, взял шляпу и отошел в дальний конец кают-компании.

Я приготовился. На мгновение мне показалось, что у меня ничего не получится. Слишком всё было по-другому. Другая обстановка, другие люди, и я сам другой. Не я и не Деклер, а какой-то новоиспеченный британский матрос. Но я вдохнул, потом выдохнул и понял, что ничего не ушло и ничего не пропало. А еще я услышал, как ерзает на стуле командер и что-то позвякивает у него на боку. А потом навалились и другие звуки. Вот Форд с противным скрежетом трет свою бородку. Вот один из гардемаринов оглушительно шмыгает носом. Вот гулко стучит сердце у моего помощника Хантингтона, стоящего с соломенной шляпой на вытянутой руке.

Я не стал заставлять ждать публику и начал бросать карты. Все до одной попали в шляпу. Первые попадания окружающие встречали кто удивленными, кто восторженными словами, но к середине колоды данное действие всем наскучило. Я почувствовал себя несколько уязвленным.

— Джентльмены, — сказал я. — У каждого из вас есть головные уборы.

Действительно, у каждого в кают-компании на голове была черная форменная фуражка с кокардой, а у первого лейтенанта ее верх был белым.

— Разойдитесь в разные стороны комнаты, — предложил я. — И держите свой головной убор так, чтобы мне было труднее в него попасть.

Мое предложение воодушевило собравшихся. Творчество проявили все.

Командер расположил свой головной убор вертикально. Чтобы в нее попала карта, надо было метнуть ее так, чтобы она вошла в фуражку морпеха не сверху вниз, а сбоку. Форд и Келли ничего не стали выдумывать, а просто вытянули руки с фуражками в разные стороны. Оба гардемарина, смущаясь, поставили свои головные уборы себе на головы. Вильям остался на месте и ничего не стал менять. Он всё так же держал мою соломенную шляпу на вытянутой руке. Я бросил карты. Все они нашли свою цель. Даже карта, направленная в фуражку командера. Ее я метнул излишне сильно, она ударилась о днище фуражки, на мгновение задержалась внутри и... выпала наружу.

— Нет, нет, — поспешил великодушно сказать командер. — Бросок засчитан. Я слишком усложнил задание.

— Ну так любой дурак может, — послышался от дверей чей-то скрипучий голос.

Мы так увлеклись своими «опытами», что пропустили момент, когда в комнату заглянул капитан корабля, имени которого я так и не знал.

— А пользоваться оружием вы можете? — продолжил капитан.

— Из пушек не стрелял, — я не удержался, чтобы не съязвить. — А с револьвером знаком.

— Ну так и покажите, как вы с ним можете обращаться, — сказал капитан. — Или вы можете геройствовать только за карточным столом?

«Он серьезно на меня обиделся», — подумал я. — «И всё из-за нескольких фунтов?»

— Пари? — я не собирался сглаживать ситуацию, а наоборот решил ее обострить.

— Какое еще пари? — такого вопроса капитан не ожидал.

— Вы предложили пострелять из револьвера, а я предложил пари, — был мой ответ.

— Я и без пари уверен в своих силах, — заявил капитан.

— Стрелять буду я, — сказал я. — А пари — для взаимного интереса. Согласны?

Внутри меня была какая-то стойкая уверенность, что всё будет хорошо. То ли демонстрация с картами перед новыми людьми воодушевила, то ли меня слишком сильно раздражал капитан, и мне хотелось как-то ему ответить.

— Что поставите вы? — спросил капитан.

— Денег у меня только 50 долларов. Да и те подмоченные, — вспомнил я про банкноту, которую достал из пиджака, когда отдавал свою одежду матросу, который обслуживал лейтенанта Хантингтона.

— Деньги мне не нужны, — ответил капитан. — Если проиграете, то десять раз продрайте всю палубу. Согласны?

Лейтенант был прав. Капитан видел во мне аристократа, без дела слоняющегося по морям и отвлекающего занятых людей от их важных дел. Вот он и хочет меня унижить. Для настоящего лорда такая ставка, наверное, была бы проблемой, но не для меня.

— Согласен, — сказал я. — Но у меня тоже есть условие.

— Что вы хотите?

— Доставите меня до Бриндизи.

Я всё еще надеялся догнать Терезу и Генриха. Решение капитана высадить меня в Адене совершенно не устраивало. Там я своих друзей вряд ли застану. Возможно, я смогу их настичь по пути через Суэцкий канал. Но я решил подстраховаться. Бриндизи, город на краю Апеннинского полуострова, входил в маршрут журналистки. Мимо она не проедет, а может быть, остановится на денек, чтобы отдохнуть после морского путешествия. Бриндизи повышал мои шансы догнать своих спутников.

— Не получится, — сказал капитан. — Мы идем в Гибралтар. Бриндизи — в другой стороне.

— Тогда ускорьте корабль, — предложил я. — Мне надо догнать своих спутников, тех, с кем я ехал на «Ливерпуле».

— Тоже не получится, — усмехнулся капитан. — Прохождение канала строго по очереди. Друг за другом. Обгонять не разрешается, да и невозможно. Канал слишком узок.

— Тогда Порт-Саид, — я не терял надежды выторговать проезд побольше.

— Хорошо, — согласился капитан. — А теперь слушайте меня.

— Я доставлю вас в Порт-Саид, — он ухмыльнулся. — Если вы подстрелите шесть чаек за бортом.

Я представил, как за бортом стремительно туда-сюда мотаются белые морские «вороны», и заволновался. Я-то думал, что будет стрельба по мишеням. Ну или по пустым бутылкам, например.

— Чайки уже день как нас покинули, — сказал Форд.

— Можно заменить бутылками, — предложил командер. — В трюме их должно быть полно. Я готов подбрасывать их за борт.

— Пусть будут бутылки, — согласился капитан.

«Ты хотел бутылки?» — подумал я. — «Ты их получил. Осталось только попасть в них».

Нагрузили, как всегда, самых молодых. Два гардемарина несли в руках по несколько пустых бутылок. С длинными горлышками и толстыми, на вид, стенками. У нас в таких шампанское продавали. Мы всей компанией вышли на нос корабля, на котором стояла башня с пушкой. Об ее длинный ствол я, с непривычки, ударился головой, чем вызвал всеобщий смех.

— Осторожнее, — с издевкой посоветовал капитан.

Командер вручил мне револьвер. Свой, наверное. Красивый и ухоженный. Похож на револьвер Деклера, только ствол более длинный.

С револьверами в этом мире я уже вполне освоился. Поэтому откинул барабан и проверил, есть ли патроны. Все каморы были заполнены. Ровно шесть желтых донышек смотрели на меня.

— Револьвер незнакомый, — обратился я к капитану. — Надо пару пристрелочных.

— Согласен, — махнул рукой тот.

«Ну, согласен, так согласен», — без особого смысла подумал я, а вслух сказал:

— Готов!

Кидал бутылки всё тот же командер. Он пару раз крутил рукой, разгоняя «снаряд», а затем с криком подбрасывал бутылку вперед-вверх. Кричал какую-то осмысленную фразу, что-

то типа «азоховар кишматимур». Крик получался сочным, а бутылка улетала высоко и далеко за борт.

Первый бросок я почти прозевал. Хорошо, что револьвер был двойного действия, и мне не надо было взводить курок. Несмотря на то, что я уже научился быстро входить в «сон», на это ушло несколько секунд. Бутылка уже летела, я выстрелил и не попал. На лица окружающих я даже не посмотрел, хотя хмыканье капитана услышал. Во «сне» я много чего слышу. И этот выстрел сильно саданул мне по ушам.

Ко второй бутылке я подготовился гораздо лучше. Как и в броске карты, я видел, хотя скорее ощущал, весь путь выпущенной мной из револьвера пули. Словно моя рука слилась с оружием, а сама пуля была просто кончиком пальца, которым мне надо было коснуться летящей бутылки. В этот раз «кончик пальца» чуть-чуть промахнулся мимо кувыркающейся в воздухе стеклянной мишени, но я понял, что и как надо делать.

Стараясь не выйти из «сна», я откинул барабан, вытащил две пустые, еще горячие гильзы и, не оборачиваясь, протянул руку назад. Кто-то вложил мне в ладонь два желтых цилиндрика, а я, также не глядя ни на кого, перенаправил их в револьвер. Щелк.

— Готов, — сказал я, но почти не услышал себя. Звуки, словно в вате, тонули вокруг меня.

Бутылки взлетали с хорошим интервалом. Видимо, командеру хорошо приходилось крутить рукой. Я же почти не напрягался. Заметив зеленый сосуд, блестящий в лучах уже высоко поднявшегося солнца, я касался «кончиком пальца» самой широкой его части, после чего он разлетался на мелкие кусочки. Когда интервал между бросками затянулся, я понял, что бутылки кончились, представление окончено. Я вышел из «сна» и обернулся.

Стоявшие за моей спиной офицеры горячо обсуждали увиденное. Хантингтон подошел ко мне, схватил мою ладонь и с воодушевлением затряс. Командер забрал у меня свой револьвер и с интересом его рассматривал. Форд с улыбкой качал головой, а Келли даже бесшумно хлопал в ладоши, аплодировал.

— Никогда бы не подумал, что из револьвера можно так попадать! — сказал командер. Я пожал плечами.

— Лучше скажите, что вы кричали? — его «азоховар кишматимур» до сих пор звучал в моей голове.

— А, — отмахнулся он. — Это после войны с арабами.

Я поискал глазами капитана. Его не было.

«Ладно», — подумал я. — «Будем считать, что пари я выиграл и проезд до Порт-Саида у меня оплачен».

С пониманием того, что всё закончилось в мою пользу, я вернулся в привычный мир. Нормальные звуки, ощущения, запахи и солнце... Солнце неожиданно, словно не подстреленная мной бутылка, садануло меня по голове. Я пошатнулся, в глубине живота стал скручиваться противный комок.

— Что с вами? — спросил меня Хантингтон, который всё еще держал меня за руку.

— Мне надо отдохнуть, — сказал я.

Лейтенант проводил меня в выделенную мне каюту, где я сразу же растянулся на койке.

— Вильям, — попросил его я. — Не в службу, а в дружбу. Пусть кто-нибудь принесет мне воды.

Хантингтон кивнул и ушел.

Я снял матросские мягкие тапочки и снова поудобнее улегся. Моя голова пылала, словно солнце не просто ударило по ней, а поселилось там. Кроме того, меня потихоньку начинало знобить.

Воду в бутылке, такой же, как и те, что я только что расстрелял, принес сам Хантингтон. Еще из карманов своей длиннополой куртки он достал и положил на столик пару апельсинов.

— На Цейлоне их много набрали, — пояснил он.

Я сделал глоток из бутылки.

— Знаете, я всегда мечтал о чем-то таком подобном, — сказал всё еще стоящий рядом с моей койкой лейтенант. — Парусник, пираты, выстрелы...

— Парусник — моя лодчонка. Выстрелы тоже понятно, а кто пират? Я? — мы оба рассмеялись.

После этого Хантингтон, пожелав мне скорейшего выздоровления, ушел.

Я сделал еще глоток воды и свернулся калачиком на койке. Меня всё сильнее знобило, хотя из открытого иллюминатора веяло горячим воздухом.

Глава 3. Тёмные делишки

— Ты меня, говорят, разыскивал? — спросил Бруно Эспозито, заходя в кабинет главного редактора «Нью-Йорк пост» Джозефа Эпштейна.

Тот сидел за столом, мрачный и задумчивый.

Бруно хотел пошутить на счет «жена не дала», но не стал. По лицу своего друга он понял, что тот страдает. Бруно и сам часто причинял другим людям страдание, поэтому такое выражение лица ему было знакомо.

— Опять от землетрясения прятался? — съязвил Джозеф.

— Ну сколько можно?! — возмутился Бруно. — Объяснял же, что это была задумка Гертруды.

— Но в этот раз она оказалась права, — усмехнулся Джозеф, и мрачность с его лица немного отступила.

— Да какое это землетрясение, — возмутился Бруно. — Пара старых печных труб грохнулось — и всё!

Природный катаклизм и правда легко обошелся для города Нью-Йорка. Можно сказать, что это был легкий укол, напоминание, что такое возможно и может повториться в будущем.

— Наверное, что-то подобное было и в Сан-Франциско, — сказал Джозеф. — А мы с тобой купились.

— Положим, не мы, а ты, — поправил друга Бруно. Он устроился поудобнее в кресле и стал раскуривать сигару.

На лицо Джозефа вновь вернулась мрачность, и он какое-то время зло рассматривал довольную физиономию Бруно.

— Это Маккелан нас всех обманул, — наконец сказал он. — Это его какие-то фокусы, которые я пока понять не могу.

— Смотри, — продолжил Джозеф. — У них там на западном побережье происходит небольшая встряска земли. Маккелан оплачивает заметку в чужой газете, что их редакция разрушена, и они отзывают свою журналистку из гонки, на самом деле не отзывают и...

— И...? — тоже спросил Бруно.

— А вот дальше непонятно, — признался его друг.

— Может быть, этот Маккелан знал, что мы поставим на Еву еще денег? — предположил Бруно.

— Вряд ли, — ответил Джозеф. — Слишком много «если». Если он тоже поставил на свою журналистку, если она будет первой... Кроме того, выигрыш размазывается на всех тех, кто сделал ставку, а таких уже сотни и будет больше. Так что дело не в ставках.

— А в чем тогда?

— Вот я и говорю, что не могу понять!

Разговаривая, Джозеф увлекался. Мрачность уходила, и он снова становился тем человеком, которым его привык видеть Бруно: бойцом, прожженным бизнесменом, журналистом, способным словно ищейка выискивать новости. Над таким и подшутить не грех.

— А что тогда такой мрачный? Жена не дала? — спросил Бруно.

Обычно после этой старой шутки Джозеф посылал куда подальше шутника, но сейчас он этого делать не стал. Он перебросил на край стола листки.

— На, — сказал он. — Смотри.

Бруно пришлось, кряхтя, подняться из кресла, чтобы дотянуться до этих листков. Это была телеграмма от Евы.

— Бриндизи, — прочел он. — Это где такое?

— Это город на южной оконечности Апеннинского полуострова, — ответил Джозеф.

— А теперь то же самое и по-английски, — сказал Бруно.

— Не важно, — Джозеф не стал раскрывать все тайны географии для Бруно. — Важно то, что Ева уже отстает. «Метрополитен» как минимум на пару дней опережает нас.

— Так нельзя, Джоз! — возмутился Бруно. — Мы потеряем деньги!

— Думаешь, я этого не понимаю?

— Надо что-то делать! — Бруно встал из кресла и загасил в пепельнице сигару. Потом он машинально сделал несколько шагов к книжному шкафу, где у Джозефа стояло пара бутылок виски, но передумал.

— Надо что-то делать, — повторил Бруно. Терять деньги он не любил. — Давай напишем Еве, чтобы ускорила.

— Ага, и побежала впереди парохода, — не упустил возможности подколоть друга Джозеф. — Лучше поступить по-другому.

— Как?

— Надо задержать журналистку из «Метрополитена», — сказал Джозеф. — Ты поддерживаешь связь со своим живчиком?

— В каждом крупном порту он должен проверять, есть ли для него телеграмма, — ответил Бруно. — У меня один парень следит за этим.

— Вот и напиши ему.

— Задерживаем вчистую?

— Нет, что ты! С ума сошел! — возмутился Джозеф. — Да это нам и не выгодно. Просто задержать на несколько дней. Сможет это сделать твой человек?

— Макс и не такое проворачивал, — усмехнулся Бруно. — Пойду дам команду.

Он покосился на шкаф со спиртным, но всё же не стал задерживаться и направился на выход.

Телеграмму с изменением задания Макс получил в Адене. Это его расстроило. Во-первых, по всему получалось, что придется остаться в этой дыре, ожидая, пока появится его новая цель. Во-вторых... во-вторых, Макс последнее время редко приходилось играть, как он называл это про себя, на светлой стороне. «Ничего личного, просто бизнес». Эту фразу в оправдание своих действий ему приходилось повторять чаще, чем хотелось бы. Следить и защищать Еву Полански во время путешествия Макс нравилось. Это была «светлая сторона». Даже жестко наказав карманника, который пытался обчистить каюту мисс Полански при переходе через Ла-Манш, он всё равно чувствовал, что по-прежнему находится на «светлой стороне». И вот теперь ему вновь придется перейти в другую команду, на противоположную сторону поля.

Макс еще раз прочел полученную телеграмму. Просто задержать.

«Интересно, — подумал он. — Как бы я поступил, если был бы приказ „задержать вчистую“?»

Макс вернулся на «Республику», собрал свой нехитрый багаж, с сожалением оглядел каюту, к которой успел привыкнуть, и... решил попрощаться.

Он вышел на прогулочную палубу, огляделся вокруг. Мисс Полански стояла со своим спутником у борта корабля.

«Как воркующие голубки!» — усмехнулся Макс.

Он прогулочным шагом прошел мимо парочки и слегка коснулся платья своей прежней цели. Мисс Полански, конечно, ничего не заметила.

«Глупый ритуал», — сам себя подколот Макс, но он по-другому не мог. Прощание состоялось.

Он сошел с корабля, нанял извозчика и приказал ехать в отель «Европа».

«Чудное название», — усмехнулся Макс. Европа, расположенная в городке среди красных песчаных гор. Ни деревца, ни травинки. — «Ах да, есть еще синее-синее море, теплое, словно парное молоко».

Пока Макс добирался до отеля, пока иронизировал над его названием, его мозг работал. Этот орган Макса был дисциплинированной штучкой. Его хозяин мог витать в облаках, а он уже работал над новым заданием.

«Парочка, голубки», — всплыло в голове Макса. — «Так и поступим».

План по выполнению нового задания, пусть и в самых общих чертах, был готов.

Глава 4. После кошмара

Тереза сидела в своей каюте на «Ливерпуле» за столиком, перед ней лежал раскрытый блокнот, в руках она держала карандаш, но в блокноте не было записано ни строчки. Да, и не пыталась Тереза ничего писать. Как она оказалась на «Ливерпуле», она плохо помнила. Эта ужасная сцена в горах, не менее ужасная ночь в чужом доме сильно напугали девушку. Настолько, что она стала сама себе казаться маленькой беззащитной девочкой, которая спряталась в теле молодой женщины, чтобы ничего не видеть, не слышать — тогда, возможно, всё это страшное и ужасное не заметит ее и пройдет мимо.

Тереза за свои двадцать пять лет еще никогда не подвергалась насилию. Ее никто не хватал за руку, не тащил неизвестно куда, не запирали в крохотной комнате. А еще страх, что все эти незнакомые люди этим не ограничатся, а начнут делать с ней что-то более ужасное и мерзкое.

Но ничего этого не произошло. Тереза вновь оказалась на «Ливерпуле» в своей каюте, и, казалось, можно было бы продолжать прежнюю жизнь. Она машинально расположилась за столом, также, как и раньше, когда старалась не упустить из головы свежие впечатления и записать их.

Но ничего не получилось. Страх никуда не ушел. Тереза поняла, что в любой момент всё может повториться. Надо было быть слепой или очень глупой, чтобы одной пуститься в такое путешествие. Люди только притворяются цивилизованными, а на самом деле мало чем отличаются от животных. Ты либо добыча, либо хищник. Она вспомнила своего попугайчика, торговца драгоценными камнями, мистера Сораба. Вот он был «зрячим». Он видел, что жизнь — это опасные джунгли, и потому окружал себя охранниками. Купец и подумать не мог, что девушка путешествует в одиночестве, и потому посчитал, что Деклер — ее охранник.

Мысль о Деклере острой иглой кольнула Терезу в сердце. Ее собственные страдания и окутавший ее сознание страх заставили забыть о своем спутнике. Это было неприятно и горько. Словно кто-то, кто старше ее и более мудрый, подошел к ней и спросил:

— Как же так, Тереза? Ты же любила этого человека? Как же ты могла забыть про него?

Эти прозвучавшие в голове слова, обида на саму себя, ощущение полного одиночества, непонимание того, что делать дальше, и вместе с тем облегчение, что это ужасное происшествие ушло в прошлое, заставили Терезу сделать то, что сделать надо было давно. Девушка расплакалась. Слезы лились из ее глаз, она размазывала их по щекам и чувствовала, что становится немного легче, а мысли становятся яснее.

— Боже мой! — вслух воскликнула Тереза.

Может быть, Энтони, также как она, вернулся на «Ливерпуль»? Ведь он говорил, что они просто поговорят с этим пожилым местным чиновником. Может быть, всё не так страшно, как она себе надумала?

Она платочком быстро вытерла остатки слез, посмотрела на себя в зеркало, на немного припухшие от слез глаза и решительно направилась к каюте Деклера.

Три коротких и два длинных.

Как хорошо, что Энтони придумал этот условный стук! Теперь он точно знает, кто к нему пришел.

За дверью кто-то завозился, и сердце девушки радостно забилося.

— Добрый день, мисс Одли, — на пороге стоял Генрих, воспитанник Деклера.

— А где мистер Деклер? — только и смогла вымолвить Тереза.

— Я думал... — Генрих покраснел. — Я думал, что он с вами.

Человек готов обманывать себя бесконечно, пока кто-то насильно не откроет ему глаза и не прокричит в уши неприятную правду. Бросившись к каюте Деклера, Тереза была уже

готова поверить, что всё это ей привиделось и вскоре развеется, как дурной сон, стоит только на пороге каюты появиться Деклеру. Но он не появился. Это стало вещественным доказательством, что весь этот ужас и правда произошёл с ней.

— А что случилось? Где мистер Деклер? — спросил Генрих.

— Он... — начала Тереза, но поняла, что слезы снова подступают к ее глазам, и бросилась прочь, в свою каюту. Рыдать, как известно, лучше всего в одиночестве.

Время лечит. Пять дней плавания от Коломбо до Адена — этого много. За это время Тереза успела и нарыдаться, и успокоиться, и снова поплакать. А потом она убедила себя, что Деклер просто опоздал на «Ливерпуль». Это было не совсем логично. Ведь если у ее спутника был просто разговор с пузатым местным чиновником, то у него должно было остаться много времени, чтобы вернуться на корабль до его отправления. А если это был не совсем разговор... Нет, так не может быть... Не должно... Девушка просто запретила себе думать о том, что могло бы случиться с Энтони, если это был совсем не разговор.

Таким образом, Тереза решила считать, что ее спутник просто опоздал на «Ливерпуль». Тогда он сможет воспользоваться другим транспортом. Той же «Пруссией», которая выходила из Сингапура на два дня позже «Ливерпуля». А значит, она просто подождет в Адене два, нет, лучше три дня. Энтони вернется, и всё будет, как прежде. План был хорош, но почему тогда слезы опять просятся наружу? И не у кого спросить совета, что делать? Не к капитану Моррисону же идти!

Тереза достала из чемодана томик романа Жорж Санд. Открыла первую страницу, с которой на нее вновь смотрела знаменитая писательница. На ней было темное платье, а ее волосы были уложены в красивую причёску.

— Как бы ты поступила? — спросила Тереза. — Что мне делать?

— Заведи новую интрижку, — сказала писательница, а ее лицо стало больше напоминать лицо Дженни, подруги ее детства.

— Дура! — журналистка захлопнула книгу, швырнула ее обратно в чемодан, а сама улеглась на постель.

Как ни странно, это помогло. Тереза вспомнила, как она также лежала на кровати в своей квартирке в Сан-Франциско, а рядом на стене висели фотографические портреты ее отца и матери. Девушка повернула голову и как будто наяву увидела фотографию мамы.

«Что мне делать, мамочка?» — мысленно спросила ее Тереза.

«Ах, милая, как мне тебя жалко! Не надо было ехать в это путешествие!»

«Я это уже поняла, мама! Но что мне делать сейчас?»

«Ах, я не знаю! Спроси лучше отца!»

Тереза вскочила с кровати и посмотрела на другую стену каюты. Обычно там была просто стена, оклеенная зелеными в желтую полоску обоями. Но теперь на ней девушка видела портрет мистера Одли.

«Работай, девочка, работай», — услышала Тереза в своей голове слова отца.

Так она и поступила. Полдня она просидела за пустым блокнотом, не в силах написать ни строчки. Голова была пустой, а попытки как-то организовать мыслительный процесс приводили к тому, что снова вспоминалась сцена в горах и весь последующий за ней ужас.

Но потом почему-то вспомнился дым над Сингапуром. Тереза написала на листке «дым». Дым над Сингапуром был особенным. Он не уходил ввысь, не растворялся в облаках, а стелился над городом, закрывая его от солнца. А какие еще дымы она видела? «Дым от сигары отца» — написала она в блокноте. Этот дым был другим. Однажды отец забыл свою сигару в блюде после обеда. Тереза была одна в столовой и смотрела, как продолжает тлеть сигара, а над ней поднимается тонкий дымок, в котором при желании можно было рассмотреть фигуры причудливых существ. А еще был дым от костра, который они разводили по дороге из южных

штатов на Запад. Тот поднимался мощными клубами от того, что их работник размахивал над костром шляпой.

Тереза увлеклась и писала не останавливаясь. К концу дня у нее получилась сказка «Девочка и дымный человек», в которой она рассказывала про маленькую девочку, про неприятности, в которые она попадает, а помогает ей дымный человек, которого можно всегда позвать на помощь. Для этого надо чиркнуть кресалом, зажечь трут, а потом задуть его. Тут же появится дымок, а из него выйдет дымный человек.

Закончив сказку, журналистка с трудом разжала пальцы, сжимавшие карандаш, и устало откинулась на спинку стула. Ей вдруг сильно захотелось есть. Она порылась в чемодане, нашла отцовские часы, которые взяла в дорогу, откинула крышку и посмотрела на циферблат.

«Вовремя», — подумала Тереза, посмотрела на себя в зеркало и отправилась в корабельную столовую.

«На другой стороне холмов располагался город, мешанина из собранных в кучу каменных жилищ с плоскими крышами. Все дома, как один, были выкрашены известью, от чего были белы, как снег. В центре города располагалась скважина, и женщина в струящихся одеждах набирала воду в высокий кувшин, словно ожившая иллюстрация из Библии. А рядом шумел верблюжий рынок, где пятьдесят или даже больше этих бурых, нескладных животных, освобожденные от ноши, расположились на ночевку и своим ворчливым голосом выражали недо-вольство».

Тереза остановилась. Увиденное ею днем хорошо и точно отразилось на бумаге. Но что-то ей не нравилось. Только что?

«Для чего это всё?» — вдруг пришла в голову девушке мысль.

Кто-то за завтраком прочтет мой текст, запивая его кофе или чаем. Причем от чая или кофе этот кто-то получит явно больше удовольствия. Ведь обжигающий край чашки с напитком вызывает больше чувств, а его приятная горечь дарит больше наслаждения. Как с этим тягаться ее тексту?!

«Но ведь так положено!» — постаралась сама себя убедить журналистка. — «Это же путевые заметки. Я должна об этом писать».

«А если бы я написала про происшествие в Коломбо?» — подумала Тереза, и тут же волна воспоминаний захлестнула ее.

Темные лица стражников, их уже больше не казавшиеся красивыми черные, чуть на выкате глаза. Отвратительный старикашка-гном. Ужасный шелест сабель, вылетающих из ножен. Грубые пальцы, ухватившие ее за руку. Побледневший Деклер. И ее полная беспомощность, и ужас от того, что сейчас может произойти.

«Что бы было, если бы я всё это описала?» — подумала Тереза. — «Вместо путевых заметок?»

Если бы ей удалось перенести на лист бумаги хоть небольшую часть тех чувств, которые она испытала тогда, то, скорее всего, чай и кофе были бы побеждены.

Тереза усмехнулась. Она представила, как воображаемый, занятый завтраком ее неведомый читатель увидел бы в газете ее текст; как он стал бы в него вчитываться, забыв про еду, а потом еще и перечитывать, наполняя свою голову вопросами, следующими за эмоциями. Вот это да! Как такое возможно? Неужели это правда?

Журналистка вздохнула. Никогда она такого не напишет. Почему? Она не могла объяснить. Это было бы невежливо. Не скромно. Словно постучаться в чужой дом с просьбой о помощи, не надеясь на нее. Наоборот, люди могут разгневаться и прогнать просительницу.

«А вот Энтони не стал бы думать „вежливо — невежливо“», — пришло в голову Терезе.

Она вспомнила, как он стал ей помогать продолжить путешествие после той злополучной телеграммы из редакции. Придумал, как соблюсти приличия, создав фонд. Опекал ее на

встречах с журналистами. А она взяла и просто уехала. Терезе стало горько и обидно за себя, и она заплакала.

Вчера «Ливерпуль» бросил якорь в бухте Адена, конечном пункте своего маршрута, и стал готовиться к обратной дороге в Гонконг. В этот момент Тереза совершила ошибку. Она могла еще пару дней оставаться в своей каюте на борту корабля, где ей было всё знакомо, но она решила съехать на берег. Ей казалось, что новая обстановка и новые впечатления развлекут ее, позволят забыть пережитое. Но получилось всё наоборот.

Оказавшись в номере отеля «Европа», единственной гостинице на весь город, она почувствовала, что страх никуда не ушел. Корабль олицетворял безопасность, был закрытым мирком, в котором неоткуда было ждать неприятностей. А теперь она оказалась на берегу, а за стенами гостиницы всё было незнакомо, а значит, опасно. Что может помешать повторению того, что произошло в Коломбо? Здесь даже страшнее. Там с ней был Деклер, а здесь она совершенно одна. Пока экипаж вез ее от пристани к отелю, им навстречу попадались местные жители — только мужчины, ни одной женщины. В длинных белых одеждах, темнокожие, с черной щетиной на лице, они без особой радости смотрели на повозку с одинокой женщиной внутри. Что может помешать одному из них или даже нескольким пробраться к ней в номер, схватить и вновь увести неизвестно куда?

С такими мыслями и душой, полной страха, Тереза просидела в номере целый день. Сам номер был очень простым, но по-восточному колоритным. Единственным предметом мебели была кровать. Она стояла посередине комнаты: высокая, с резными деревянными спинками. На ней — жесткий матрас, набитый, очевидно, овечьей шерстью, застеленный цветным грубым покрывалом и сероватой простыней под ним. Поверху были разбросаны несколько небольших, жестких, как и матрас, подушек. Стены комнаты были сплошь завешаны тонкими коврами. Девушка отогнула край одного из ковров, и под ним оказалась глиняная, некрашенная стена. Свет в комнату проникал из единственного окна, закрытого ставнями. Тереза открыла их. Окно долго не хотело открываться. Пришлось сильно дернуть за оконную ручку, и в лицо девушке пахнуло горячим воздухом, после чего окно тут же пришлось закрыть. Пейзажи за тусклым стеклом не радовали: красноватые горы-холмы, без каких-либо признаков растительности.

«Как странно, — подумала она. — Попасть из пышной зелени природы Гонконга и Сингапура в эту выжженную пустыню».

В дверь постучали. Тереза замерла от неожиданности и не знала, что делать. Но всё решили за нее. Дверь открылась. В комнату вошла та женщина, которую она видела днем из окна у источника. Она принесла высокий медный кувшин, который тогда наполняла водой, и поставила его на пол. Лицо женщины было закрыто тонкой тканью. На Терезу смотрели только темные глаза. Поставив кувшин, пришедшая коснулась пальцами руки девушки, словно приглашая куда-то. Они вышли за дверь, и женщина показала ей дамскую туалетную комнату, которая оказалась чистой, но весьма убогой.

Вернувшись обратно в свою комнату, Тереза закрыла входную дверь на щеколду, чего не делала раньше, поразмышляла о том, насколько она крепка. Запор выглядел хлипким, и страхи снова нахлынули на Терезу. Против них у нее было только одно средство — работа. Девушка села на кровать, положила, за неимением стола, на колени чемодан и принялась писать. Тему она не выбирала, писала обо всем, что в этот момент приходило ей в голову.

«Как странно влияет природа на нравы и обычаи людей, — писала она. — Пышная зелень приводит к тому, что люди ходят полуголыми, а если поймают твой взгляд, то начинают широко улыбаться в ответ. И наоборот, пустыня заставляет людей скрывать свое лицо, и что у них на уме — совершенно непонятно».

Ночь наступила внезапно: вот еще за окном был неясный свет, и вдруг наступил сначала полумрак, а потом и тьма. Тереза легла, не раздеваясь, на кровать, какое-то время прислушивалась к звукам снаружи и сама не заметила, как провалилась в сон.

Ставни надежно перекрывали лучам света доступ в комнату, но Терезу разбудили звуки. Тоскливые и одновременно призывные.

«Бедные животные», — подумала Тереза, правильно определив, что звуки доносились с верблюжьего рынка, который она проезжала по дороге в гостиницу. Потом она открыла глаза и чуть не вскрикнула. Прямо над ее головой на потолке расположился дракон. Вернее, дракончик. Словно поняв, что его заметили, дракончик начал перебирать лапками, совершенно не беспокоясь, что двигается по потолку вверх ногами, добрался до стены, где скрылся за тканью ковра.

— Фууух, — Тереза с шумом выдохнула. Теперь, когда ящерицы не было перед ее глазами, она показалась девушке красивой и забавной.

Надо было что-то делать. Хотелось пить и есть. Кроме того, прошел один день из двух отпущенных на ожидание Деклера. Пролетит еще один день — и надо будет расстаться с иллюзиями. Маленькая ящерица на потолке словно подталкивала Терезу двигаться вперед, напоминала, что ей здесь не место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.